

КРОКОДИЛ

ДВА МИРА.

Рис. Дени.

Дени
24

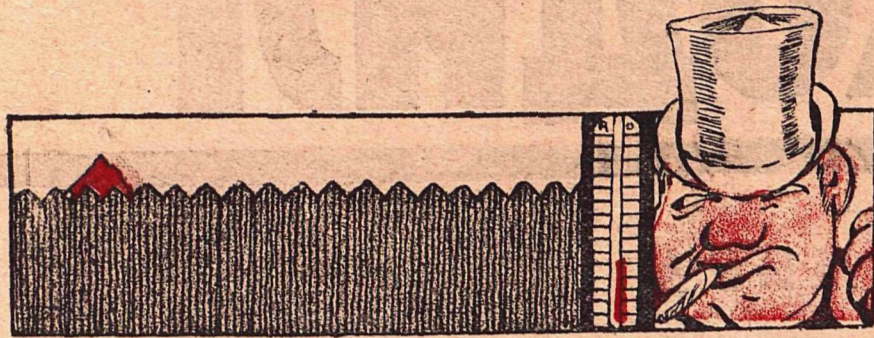
Маевка!

ИСТОРИЯ 1-го МАЯ В ЕВРОПЕ.

Рис. Н. Шестопалова.

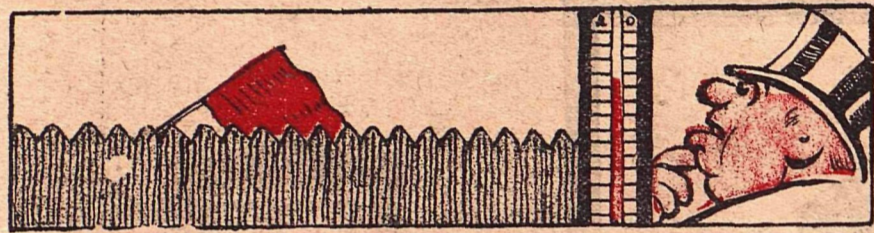
Степень отзывчивости рабочих на идею празднования 1-го мая всегда служила градусником их сознательности.

Г. Зиновьев.

1889 г. Что за безобразники
Устраивают какие-то праздники...

Эге!..

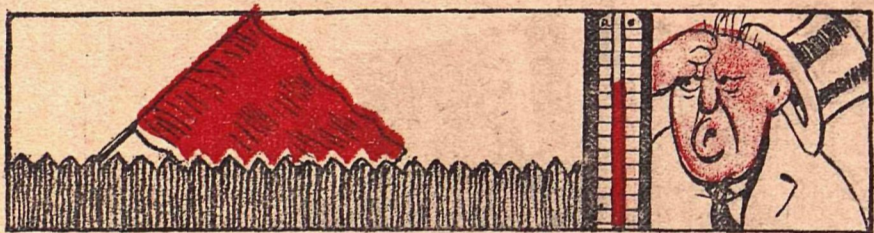
1905 г. А знамя-то все выше,
А буржуй-то еле дышет...

Ого!..

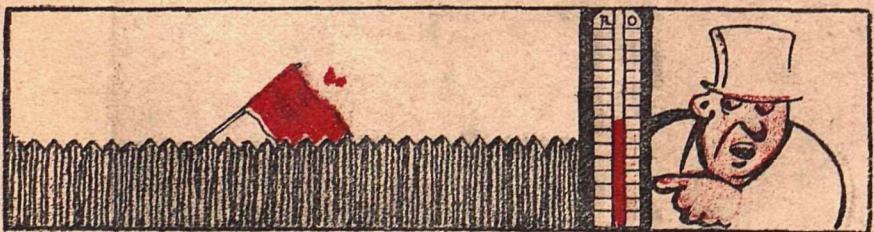
1914 г. Пролетарии всех стран
Несутся, как ураган...

Ни-гу-гу!..

1919 г. Но прошла непогодка:
Возведена буржуями загородка...

Угу!..

1924 г. А посулили меньшевики в небе журавля,—
Спустили градусник чуть не до нуля...

Эге!..

„РАЗОБРАЛИ“.

При царе на улице.

— Это почему такое скопление? Чтоб без скопления!
— Мы, господин городской, ничего. Мы так...
— Как это так? Чтоб не было!
Праздник у нас сегодня... Первомайский праздничек...
— Чтоб не было!
— Ничего и не будет, господин городской, походим, походим малость, да и разойдемся!
— Походим? Знаю я вас, крамольников, а чего такое на палке?
— Знамя—либерте, егалите!
— Егалите? Какую праву имеешь такими словами начальство ругать?
— Я ж не ругаюсь... Это по-французски свобода и равенство как обозначается.
— Что-о? Свобода? Да за такие слова в двадцать четыре... Сво-бо-да? Там тебе покажут, кака така свобода!
— Ваш бродь, господин городской, помилуйте, мы же не при чем... это все французы выдумали—и либерту, и егалиту и марсельезы всякие, все они...
— Ладно, в участке все разберут... Там все выяснят,—и которая свобода и которое галите и про Францию, которое иностранное вмешательство—все в участке разберут!

Маевка.

— С веселым месяцем, Марья Ивановна, дождалась: очень прекрасный, Мария Ивановна, месяц... Солнышко во все лопатки, птички ужасно приятно поют... Сирень так благоухает, в роде, как ее коньячком спрыснули... Разрешите вашу ручку... Веселый говорю, Мария Ивановна, месяц, можно сказать—медовый месяц природы... Птички, букашки... Разрешите вас обнять... и не откажите в вашей любезной доброте по случаю обновления и прочих радостей, обнявши, вас поцеловать...
— Э...это что за беспорядки?!
— Ничего-с... господин городской... обновление-с природы... так сказать, любовь на лоне!
— В участке разберут, какое такое обновление и какая любовь в общественном месте!

Со своим самоваром.

— Ну, вот тут и расположимся травка мягкая, тень... очень все прекрасно... а ну-ка съ, Глаша, разложи продукты, да детишек в угол поставим...
— Бойся ты бога, Иван Иванович, где это у тебя в лесу промеж деревьев угол-то?
— Ну, ладно, ты пока самоварчик постанешь, а я с нашими сорванцами по-иному расправлюсь. А ну-ка, Мишка, Петька, Сенька, идите-кось сюда покажу вам, как котам хвосты сбрывать...
— Ай-яй... папочка не будем... ай-яй-ий!
— Это почему шум?
— Детвору наказываю, господин городской, церкви и отелству на пользу.
— А почему нарушение тишины в общественном месте?
— Помилуйте, господин городской, какое же это общественное место, лес, можно сказать, собрание деревьев.
— Собрание. И до него доберемся, в участке все разберут.
— Смилуйтесь, господин городской, вот и самовар закипел!
— Ладно. В участке все разберут: и который самовар, и который закипел... там все разберут!

Наше первомайское.

Алые знамена, вольные реи, колесны рабочих, автомобили с детишками, железною поступью на парад полки красноармейские выходят.
И среди множества загоревших первым весенним загаром лиц, призраком затерялось землистое лицо бывшего городского, а ныне—безработного.
Не узнать его: насунут на голову помятый котелок, синие штаны побурели; сапоги со скрипом не скрипят уже, а хрипят.
Стоит он, бывший властелин улицы, в сторонке, сопит, сжимает кулаки и бормочет себе под нос свои незабываемые, старые городские слова:
— Попрошу не скопляться, без карнавалов чтоб, а то живым макарием в участок... Там все разберут!!!
... Опоздали, господин городской, с разбирательством. Некому ваши претензии разбирать! Да и вашенького участка нету больше... Седьмой уж годок, как разобран... по кирпичикам...

Л. Митницкий.

СЕМЕЙНЫЕ НЕУЯДИЦЫ.

Кто к кому должен идти: организованный потребитель к промышленности за товаром или промышленность к потребителю за товаром?

Из газет.

Рис. Б. Ефимова.

— Чтоб я, честный организованный потребитель, пошел к промышленности? никогда! Лучше буду переплачивать.

быть, платить батюшке за молебен я должна буду? Так.. Хоша я в бога верую, и в святых угодников божиих верую, и в мать Божию верую, в Параскеву Пятницу верую, иначе, утекать надо..

II.

Не успела бабка Степанида платок на голову накинуть, как вдруг гранатой вкатывается в комнатушку Егорка-озорной. Влетел Егорка, запыхался, потный, красный.

— Бабка Степанида, к вам поп сейчас идет... с просвирней... с дьячком...

Задрожали-руки, ноги у Степаниды. Хочет бежать, да сил нету. Хочет слово сказать—язык прилип.

И вдруг ее осенило.

— Слушай,—говорит,—Егорушка. Скажи отцу-батюшке,

что у нас никого дома нет. Все по гостям ушли...

А Егорка—жох, глазом не моргнет...

— Врешь, бабка Степанида, дома.

— А ты скажи, миленький, скажи, роденький... Я тебе пирогов дам...

— Не видал я твоих пирогов. Мне сейчас за такую же штуку мастера Фишкина жена двугривенный серебряный дала...

— Двугривенный?.. серебряный?.. Да на тебе креста нет...

— Нет, бабушка, нет креста...

— Бери два пирога и пятак советскими...

— Двугривенный, бабушка, и пять пирогов... Давай, бабка, а то ведь тебе дороже обойдется... Вон мне на уступки Митревна не пошла, так вот жалела, вот жалела...

— Чтоб я, государственная промышленность, унизилась до какого-то организованного потребителя. Никогда! Лучше буду терпеть убытки.

П А С Х А.

I.

На второй день пасхи фабричный мастер Химкин сказал своей жене:

— Хоша я человек леригиозный, но примать священника с просвирней не намерен. Это удовольствие не меньше, как в полтинник обойдется...

Оделся и ушел.

Жена его, Агаша, надела новое платье и сказала своей матери:

— Вы уж, маменька, не лайтесь. Хочь я в бога и верую, и говею каждый пост, но платить священнику—денег не имею.

И тоже ушла.

Отец мастера, ветхий стариченка, Архипыч, подумал-подумал, да и сказал:

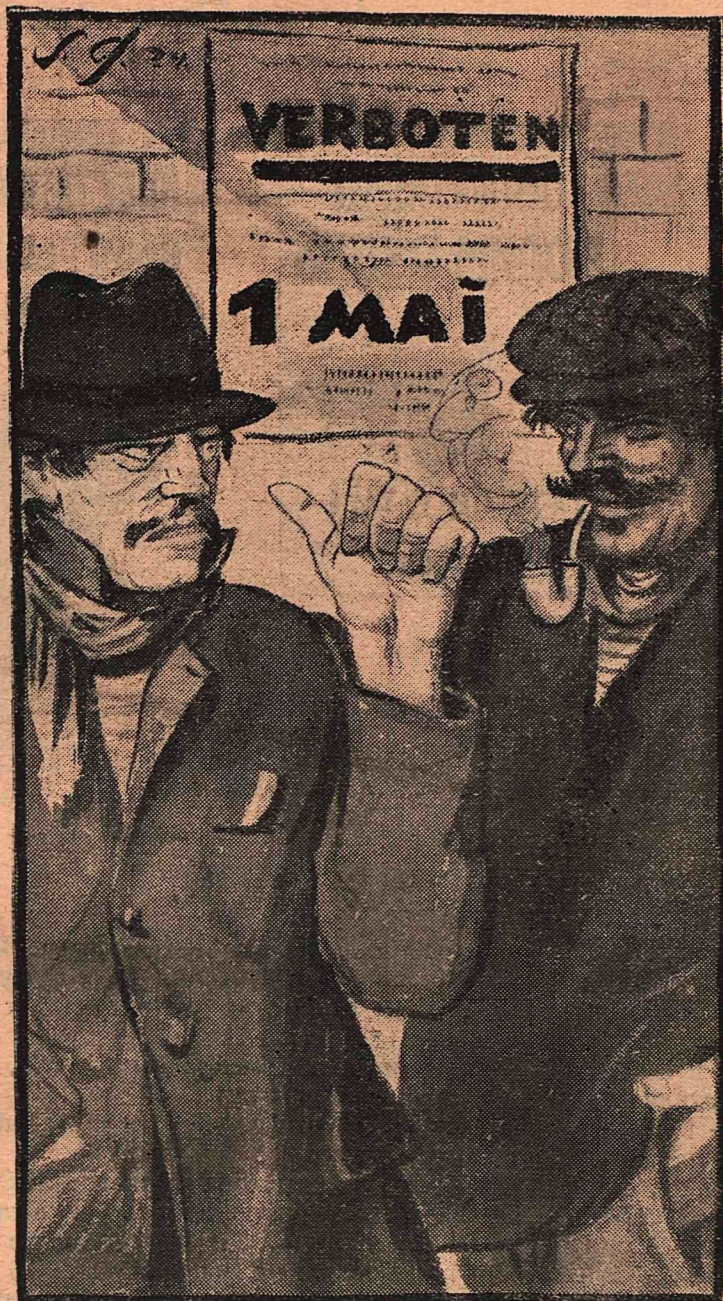
— Чего это мне дома оставаться-то? Пойду к сапожнику Елиферьичу. Мне движение полезно.

Осталась дома бабка Степанида. Сидит Степанида и думает

— Стало быть, придет батюшка и мне принимать его придется? Так. Стало

Рис. С. Грузенберга.

В Бадене постановлением правительства запрещено празднование первого мая.

НЕМЕЦКИЙ РАБОЧИЙ: — Ничего, товарищ! Вычеркнув май, они приближают октябрь.

— Гривенник хошь?..

— Не торгуюсь. Цены без запроса...

— Егорушка... Егорушка... Спусти малость... спусти...

— Не торгуйся, бабка. Двугривенный..

— У-у... анафема проклятая... Вот бери...

— Советскими, бабушка?.. Да и рваные... До свиданья-ца... А вон уж попы-то у ворот...

— Егорушка... Егорушка... я тебе завтра дам...

— Врешь, у тебя сейчас в узелке завязаны...

— Умру, а не дам... Берешь советские?.. берешь?..

Бабка схватила Егорку, но тот ловко вырвался и опрометью выкатился на улицу...

— Пожалуйста, батюшка, пожалуйста,—кричал он попу.— Бабушка Степанида вам пирогов наготовила...

В дверях уже слышно было гнусавое пение: „христос воскресе...“

III.

Собаки лаяли. Бабка Степанида доставала полтинник, а Егорка летел, как угорелый, в соседнюю хату с криком:

— Иван Кузьмич, к вам сейчас попы идут...

ПОСРЕДНИКИ: — А мы на этом деле заработаем...

Мужичек-вахлачек
Бережет пятачек,

А дармоедники-
Посредники

Свои капиталы множат:
К сему займу руки приложат,

Заем собираются скупить —
Мужиков прибыли лишить.

ДУВГРИВЕННЫЙ.

Дело было так. Приехал я на базар. Стою. Торгую. Вдруг подходит к моему возу один в склизком картузе и тужурке, покупает продукты и вместе с другими деньгами дает серебряный двугривенный.

Я и глазам своим не верю. Так мельком слыхивал, что выпустили серебро, но не верил, думал:

— Где им до серебра, коль сейчас бумаги путевой не достать? А тут на тебе,—се-ребро!

Ну, известно, рад—не насмотрюсь. Баба моя хотела было в чулок спрятать, да я не дал, думал, еще утерять, шельма. А сам все смотрю и не налюбуюсь. Да и чуть ли не пол базара сбежалось—все глазают, ахают, удивляются.

Наспех распродал товар, поехал в станицу. Еду, понимаешь, а двугривенный с вожжей в руке держу—боюсь, как бы не утерять.

Приехал, распрег, да к свату. Сват аж подскочил от радости.

— Спаслись! спаслись!—кричит,—теперь, Митрич, спаслись!

Ну, известно, на радостях араки бутылец на стол, сидим, распякуем, а по станице уж слух пошел:

— Митрич, мол, серебро из города привез.

И попер народ. Всяк идет и, по обычаю, бутылку араки с собой несет, чтоб, значит, за смотрины отблагодарить.

Набилось народу, что сельдей в бочке, и кажинный щупает, на зуб пробует, подкидывает и к звону прислушивается.

В одном углу казаки пьют, в другом углу—бабы спорят.

Марфа Затрушиха уверяет, что двугривенный хвальшивый.

— Я, говорит, вам докажу: дайте мне, я вот под голые груди положу, ежели, говорит, за час не почернеет, тады плюнете мне в морду.

Все согласились. Марфа положила под груди и сидит.

Сидим и мы, ждем. Немного погодя вваливаются еще соседи и поп наш, отец Микита, конечно, с батчицей.

— Дай, говорит, Митрич, взглянуть на советское серебро.

А им говорят, что вот Марфа в себя положила. Ждем. Поп свое:

— Мне, говорит, архиерей, может, прикажет молебен служить о даровании народу серебра, а я его еще и в глаза не видал. Сестра Марфа, покажь, ради бога, двугривенный.

Марфа не давать. Поднялся гвалт. Известно, все выпивши. Поп к Марфе. Тут Марфин муж—как с ума сошел—ревнивый черт, попа за ряску как дерганет, да как заорет:

— Эх, ты, сребролюбец! Хам! Дык, ты жену мою за вымя?! За пона вступились. И пошла потасовка. Бабы с криком разбежались. Убежала и Марфа с двугривенным. А нас всех в милицию замели. Отпарились ночку в клоповнике...

А Марфа таперя двугривенный не отдает. Говорит—утеряла, но брешет, подлюга, он у ей...

Да, вот какой беды наделал двугривенный... А теперь вот я опять приехал в город, может, где куплю хошь гривенник. Потому, когда в кармане есть серебро, ходишь ты по станице, как атаман, и везде тебе почет и уважение.

Рабочий П. Тарасенко.

ЛЕЖАЛЫЙ ТОВАР.

Объявили красные студенты своему ректору бойкот за то, что грубо обращается с пролетарскими студентами и игнорирует пролетарские организации.

С'ежился ректор под бойкотом, а сам думает:

— „Бойкот—что? К нему привыкнуть можно, а вот ежели через такие дела да без должности останешься, что тогда? Нет уж лучше на мировую пойти, чем штатным местом рисковать“.

Уследил группку пролетарчиков—красных студентов и—к ним.

— За что же вы против меня, товарищи, войной пошли? Прежние студенты меня всегда всегда поддерживали.

А пролетарчики только плечиками вскинули:

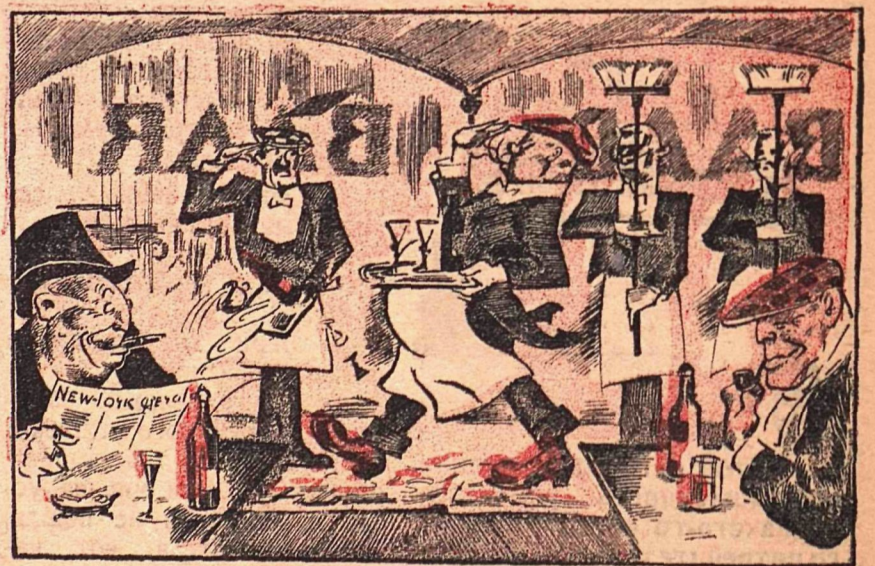
— Поддерживали, говорите? Ну, нам подержанных не надо.

Л. М.

ПОЛОВОЙ КОМАНДИР.

Рис. Михайлова.

В Сан-Франциско объявился некий генерал Леонидов, называющий себя командиром бригады царской армии. Храброму генералу приходится в настоящее время занимать пост метельщика пола в одном из больших сан-франциских магазинов.

Вот это—встряска, это—„чистка“!
Был командиром ПОЛКОВЫМ

И в эмигрантском Сан-Франциско
Стал командиром ПОЛОВЫМ.

В ГУЩЕ РАБОТ.

Товарищ Мирзоев рысью влетел в маленькую, прокуренную комнату ячейки и блином шлепнулся на скамью.

Блуждая глазами по лицам товарищей, Мирзоев сгонял с головы ручьи пота, направлял их за ворот и тихо улыбался „все-таки не опоздал, чорт возьми!“

А радоваться было чему — Мирзоев провел сегодня 10 собраний, был на 4-х заседаниях, прочел 2 лекции и теперь во-время попал на заседание ячейки. После ячейки у Мирзоева останется только подготовиться к лекциям, а там... там уже будет утро.

Секретарь ячейки предложил по порядку дня:— доклад секретаря ячейки, доклад Р. К. С. М. и текущие дела. Через час после горячего обсуждения порядок дня был принят и слово для доклада взял секретарь ячейки.

— Товарищи, за 3-месячный период времени нами проделана большая работа. Было 87 заседаний, 118 заседаний президиума, 25 общих собраний, 62 с'езда, 32 митинга, 11 конференций, 15 расширенных пленумов. Разрешено 10.092 вопроса, рассмотрено 1.000.000.000 заявлений, положено 800.000.000 резолюций...

Он говорил долго и с цифрами в руках. Закончил он так:

— Итак, товарищи, как видите, сделано много, пересмотрено кроме 200.000.000 заявлений еще 460.000.000 других дел... недорешено... конфликтов... под-конфликтов...

К концу 2-го часа у Мирзоева встали волосы дыбом и появилась икота.

После доклада, содоклада и всех прений, в 2 часа ночи была вынесена одобрительная резолюция и предоставлено слово для доклада представителю Р. К. С. М.

— Товарищи,— сказал он,— нами проделана за 3 месяца огромная работа—было 99 заседаний, 84 собрания, 100 конфий.. разрешено... недорешено... и т. д., и т. п.

В 5 часов утра чуть чуть не была принята резолюция: работу признать удовлетворительной. Но в самый разгар прений тов. Циркуль вдруг внес внеочередное заявление. Председатель отказал. Циркуль настаивал. Пришлось открыть прения— дать или не дать Циркуль 3 минуты для заявления.

После 2-х часов прений Циркуль дали слово и он сказал:

— Товарищи, все что сказал т. Гогджаев, я с ним вполне согласен!... он кончил...

Мирзоев пытался было улизнуть домой готовить лекцию, посмотреть на жену и детей, но никак не мог.

Еще два с половиной часа бурных прений и собрание, наконец, кончилось. Довольные своей „плодотворной“ работой, члены ячейки разошлись по домам спать.

Серго.

ИНВАЛИДЫ.

Депутация французских генералов поднесла Марии Федоровне в Нице диплом почетного члена „общества инвалидов“.

(Из газет).

Рис. А. Радакова.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:—Я тронута генерал, вашим прекрасным адресом, но не забывайте Коленку и кирюшу...

КОНКУРС ВОЛОКИТЧИКОВ.

6 МЕСЯЦЕВ И 10 ДНЕЙ.

В сентябре 1923 г. Союздобробассейн запросил правление Донецких дор. о расчетах по отправке грузов. Правление Донецких дорог ответило на этот запрос через 6 месяцев и 10 дней.

8 МЕСЯЦЕВ И ЕЩЕ НЕИЗВЕСТНО СКОЛЬКО.

Военный комиссар одного из кавказских стрелковых полков послал в сентябре 1923 года заявление старшины музыкальной команды в Вятскую губернскую Рабоче-Крестьянскую Инспекцию. Ни ответа, ни привета.

Комиссар в декабре 1923 г. просит снова дать ответ.

Через три с лишком месяца Вятская РКИ сообщает, что переписка, К СОЖАЛЕНИЮ, утерялась.

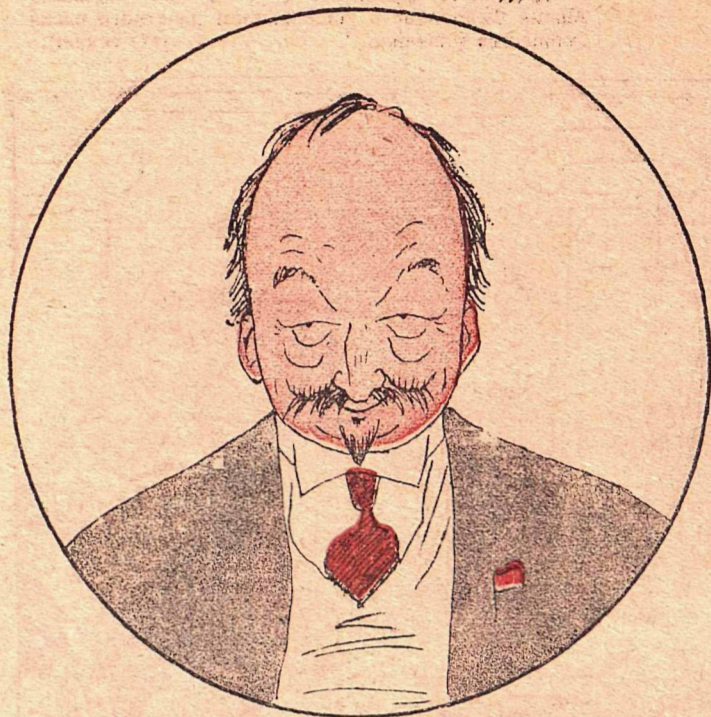
205 СУТОК С ИЛЬИНКИ ДО ПОЧТАМТА.

Военный комиссар г. Москвы сношение от 28 июля 1923 г. за № 10979/м на имя командира Вятской караульной команды сдал на почтамт, если судить по штемпелю московской почты, для отправки 17 февраля 1924 г., т.е. ровно через 205 суток.

Стыдись, почта: нельзя доставлять письма из Москвы в Вятку в три дня, если на это дело, по самому скромному расчету, нужно 25789 лет.

Комар.

„НОТНЫЕ“ ДЕЯТЕЛИ.

Тов. ЧИЧЕРИН (дипломатические НОТЫ).

Тов. ЛУНАЧАРСКИЙ (Просто ноты).

ЗАПИСКИ РАБКора ФЕДЮШКИНА.

„Прошу моей фамилии под заметкой не помещать, потому со свету сживут“...
Из письма рабкора.

Весна настала. Солнце так и жарит... По этому случаю нам на заводе летнюю прозодежду выдали: теплые наушники и валенки.

— Здорово об нас начальство заботится! — усмеваются рабочие. — Теперь ни за что в июле уши не отморозим!..

Написать, что ли, в газету?
Эх, была не была, — рискну!

* * *

Напечатали мою заметку.

Рабочие дошли ны. Начальство что-то не очень...

Выговор сделали за то, что чихнул во время работы:

— Если вам начихать на завод, — то можете убираться! — заявило начальство. Гм! Приглядаться начали... Что-то будет?

* * *

Пришли работники. На старшего мастера жаловались мне: он всех блондинок придирками да руганью извел.

— Я, говорит, заставлю блондинок с завода уйти. Потому, хоть сам лысый, а обожаю я только брюнеток!

Записал. Утром в газету пошлю.

* * *

Сегодня родители узнали, что я рабкором заделался. В три ручья залились старики:

— И на кого-о ты нас покида-а-аешь?!

Оплакивали, как покойника. Еле от панихиды отговорил.

* * *

Рабочие пришли. Жалуются, что в столовке щи тараканами заправляют. Записал.

Комсомольцы прибежали. Главный инженер пригласил о. Хуздаза освятить новое здание для рабочего клуба. Записал.

Комсомолки были. Просят протопопа Елпифидора продернуть: сватов засылает к ним, предлагает комсомолке Маше протопопицей стать. Записал.

* * *

Все заметки напечатаны.

Мастер прилап сказать, что не позже пятницы пересчитает мои ребра. О. Хуздазад предал меня анафеме.

Узнал, что в нашем кооперативе продают цилиндры. Записал.

* * *

Инженер признал меня нетрудовым элементом, врангельским полковником, незаконнорожденным сыном Петлюры, а посему я подлежу увольнению с завода...

Начканц маринует срочные бумаги по четыре месяца. Записал.

* * *

Вечером на улице кто-то в темноте хватил меня камнем по башке. Завкоопом отказался продавать мне чернила и бумагу. Записал карандашом.

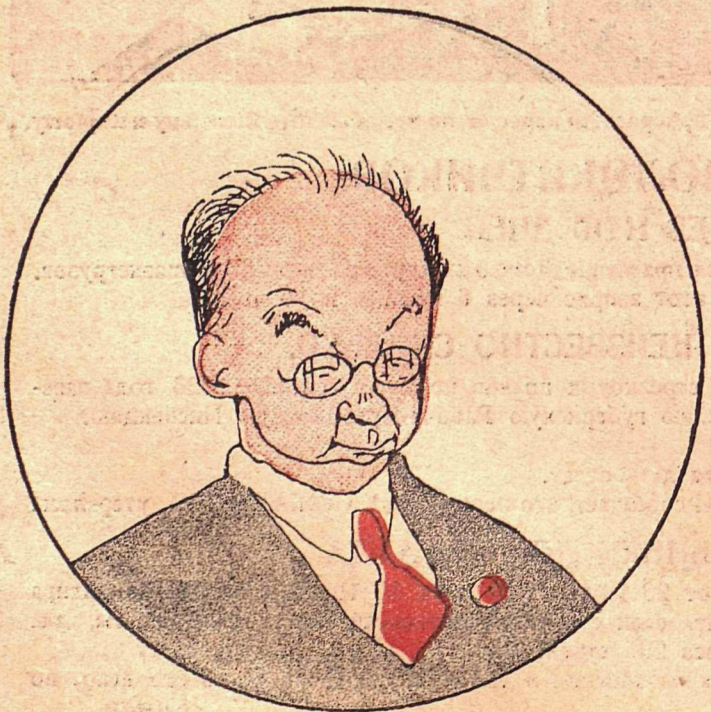
Получил 148 повесток из нарсуда за клевету в печати, 457 писем с анафемой, с руганью в три этажа и выше, с обещанием „набить морду“ и проч., если не перестану писать в газеты... Записал.

„Сократили“. Лавочник отказывается продавать мне хлеб. Записал.

Нашел Д. Долев.

Тов. СОКОЛЬНИКОВ (БанкНОТЫ).

Тов. КЕРЖЕНЦЕВ (Работа по НОТ'у).

АТЬ... ДВА... ТРИ...

Свадьба краскома Кожевникова в присутствии помвоенкома Удверга и самого военкома состоялась в церкви.
(Из газет).

Подлетели к „храму“ с громом
Две кареты брако-треста.
На каретах фонари.
Из кареты за краскомом
Важно выплыла невеста:
Ать... два... три...

Все святые, друг на друга
Глядя, скорчились в смехе:
„Вот теперь их разбери!“
Ну, а сердце у супруга
Словно зернышко в орехе.
Ать... два... три...

„Военком“, ты смистришь с полной
Умиленностью во взоре?
Посмотри же, посмотри:
Под вендом краском с поповной
Со „святых“ попом дозоре:
Ать... два... три...

Что прошло, то неотменно
Ты, краском, пройдешь в потомство,
Ах, вы чорт вас подери!..
Военкому непременно
Надо будет с военкомства
В шею... Ать... два... три...
ЗУБ.

КАЛОШИ.

Редактор губернской газеты, желчный человек, закрученный хозрасчетом, сдавленный с боков ответственными работниками губернии, с административного „верху“ тоже изрядно придушенный, приехал, по делам издательства, на неделю в Москву.

— Ну-ка, поглядим-ка! — нахмурился редактор, выгружаясь из застопорившего на московском дебаркадере поезда. — Поглядим, как живут здесь птички певчие — центровички. Небось, им, столичным бюрократам, и горяшка за нас провинциалов мало. Знай полулежи в председательском кресле, да резолюции накладывай. Штука не велика — резолюцию да волокиту разводить. Нет, голубчики мои, — хлебули б вы провинциальной похлебки, повертелись бы вы в нашем губернском колесе с хозрасчетом, с ответственностью, с лекциями, с докладами, с отчетами, с подотчетами... Это вам, золотые вы мои, не резолюции черкать, не путевки выписывать на автомобильную прогулку за город...

Так озлился в мыслях своих губернский редактор, что и не заметил, как трамвай его до общежития „для приезжающих работников“ довез.

Усталость после дороги основательно давала себя чувствовать, и, чуть было, редактор не растянулся на отведенной ему койке. Однако, воздержался.

— День еще впереди. Пусть себе столичные лежебоки отлеживаются. Им, конечно, спешить нечего. Резолюция штука не срочная. Успеется. А мы, провинциалы...

Редактор деловито зашагал в Главное управление по своим газетным делам. И здесь, в Управлении случилось то, что к числу забот и хлопот редакторских наваливалось новым, непрощенным грузом суеты и поисков: очень ответственный столичный работник влез по ошибке в новенькие, перед самым отъездом в Москву купленные редактором, калоши, и оставил свои, старые, забрызганные грязью.

Желчный, раздосадованный редактор посмотрел на свои ноги, украсившиеся тусклыми, грязными „мокростулами“, и сказал лозунгово: — Из последних сил выбьюсь, но свои калоши верну!

Редактор записал в свою книжку подробный адрес ответственного работника, служебные коммутаторы и добавочные номера „прямым проводом в кабинет“, и с провинциальной энергией принялся за поиски своих калош.

По домашнему телефону ответственного работника редактору сказали:

— Раньше часу ночи дома не бывает! Звоните по служебным номерам.

Редактор звонил по служебным номерам. Отвечали: — Был минуту назад! Уехал на заседание. Звоните по городскому в Совет...

Звонил. Отвечали:

— Был. Только что вызвали. Уехал. Звоните в Бюро по делам...

... Звонил...

Ночью обессиленный редактор повалился на койку в общежитии, спал очень беспокойно, а с утра сразу же схватился за телефоны. Из дому отвечали:

Минуту назад был. Уехал. Звоните по служебному...

... К вестеру обессиленный редактор махнул рукой на телефоны.

— К чорту!! Дурак пусть верит телефонам, а я, самолично, голыми руками достану свои калоши!

И собрав все адреса, где бывал, заседая и „накладывая резолюции“ ответственный работник, — редактор, по горячим следам, отправился на поиски.

И так прошел день второй.

— Ладно же! Я поймаю его на дому! — решил редактор и, ночным привидением, нагрянул в два часа ночи на квартиру ответственного работника. Там никого не было и висел снаружи замок.

— Ну, уж завтра-то, — мысленно успокоился редактор, — в воскресенье-то обязательно накрою голубчика на дому. Что им столичным штучкам в праздник делается? Это для нас, для провинциалов, что праздник, что будни — один дьявол...

Утром, предвкушая свидание со своими калошами, редактор входил в квартиру ответственного работника.

И...

— По вызову района ответственный работник выехал в деревню!

— Надолго? — прохрипел редактор.

— Не меньше как денька на три! — ответили ему любезно. — Волость, знаете ли, досталась большая, а пока от села к селу доберешься... сами понимаете...

... Уезжал из Москвы редактор в старых калошах ответственного работника. Сунул их досадливо под скамью классного вагона. Ворчал, взбираясь на верхнюю полку:

— Сидели б уж хоть на месте! Резолюции писали бы. А то носит их, чертей неприкаянных... Цен-тро-ви-ки!!!

Л. Митницкий.

„ХОРОШИЙ УРОЖАЙ“.

Рис. К. Готова.

В селе Кокино, Лукьяновского уезда, Нижегородской губ. сохранились кулачные бои. Есть поверие, что если не делать кулачных боев, то будет неурожай.

БАБА: — Сколько народу-то перебили! Ну, и урожай же будет! Слава-те господи!

ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ „КРОКОДИЛА“.

(К 35-летию литературной деятельности.)

Рис. Бор. Ефимова.

Александр Серафимович Серафимович.

Писал он 30 лет и три года,
А на 33-й год
Взяли его в административный оборот —
И, согласно приказа пролетарского,
Послали его работать у Луначарского,
Заведывать делом —
Литературным отделом...
Но... но... спасибо Главнауке,
Избавила она его от этой муки
И, без излишней официальнойности,
Послала его работать по специальности.
Приношу Крокодиле поздравление
За это самое мудрое решение,
Какое когда-либо принял Наркомпрос.
Работайте, товарищ, взапас,
Пролетарий, коммунист и литератор,
А не наркомпросовский лит-регистратор,
Еще 33 года
На благо пролетарского народа,
А не на радость „ничевокам“
И прочим наркомпросовским докам.

Ч.—ч.

ЛОШАДИНОЕ ЛЕЧЕНИЕ.

Председатель Кожурлинского волысполкома подает в Каинский исполком рапорт следующего содержания:

„5-го сего марта ночью получил сильное заболевание правого глаза.

Принял меру к лечению в Каинском ВЕТЕРИНАРНОМ пункте. Помощи нет, а потому прошу считать больным на кварт.ре, или в больнице“.

Председателям волостных исполкомов действительно нужны ЛОШАДИНЫЕ средства.

ПАРТДЕЛИШКИ НА БУЛАВОЧКЕ.

С большой буквы „Пасха“.

„Ижевская Правда“ — орган областного комитета РКП по вопросу о праздновании дня пасхи пишет:

„Календарь „Рабочей Газеты“ указывает, что Пасха будет 27 и 28 апреля, а отдел труда, что 20 и 21 апреля.

Редакция раз'ясняет, что Пасха (с большой буквы) празднуется в нынешнем году 20 и 21 апреля“.

Приятно получить партийное раз'яснение о „праздновании“ святого дня святой „Пасхи“ и, главное, раз'яснение точное.

Что самое важное для партии?

Не предстоящий XIII съезд. Не политика снижения цен. Не ленинский набор. Не работа в деревне.

По крайней мере в Подивье, Орловской губернии:

„В последнее время основным вопросом в работе ячейки является переход жены одного работника к другому. По этому вопросу ведутся большие прения, дебаты и дискуссии“.

„Горская Правда“ вещает:

„Если кому-нибудь нравятся кожаные штаны, фуражка и куртка, пусть носит. Кому больше по душе шелковый пестрый халат, пусть носит халат. Один находит удовольствие в жареных курах — пусть их разводит и ест, другой предпочитает носить золотую брошку — пусть носит“.

Самое важное — это разводить жареных кур в партийном порядке

Парт-держиморда.

Начальник милиции Селидовского района Смирнов составил протокол на жену гр. Михаила Кирбаба в том, что:

„Я, Смирнов, проезжая с отрядом кавалерии (в лице одного милицейского) по оперативным заданиям, был поставлен на 2 часа отдыха покормить двух лошадей и меня, с одним кавалеристом, к гр. Кирбабе, которая его жена заявила, что у нас один постный суп и больше ничего нету, и когда я стал просить еще что-нибудь, то мне дали ответ, что сегодня — среда и скоромного не кушаем, что выразило полное неуважение к представителям власти.

Гр. Кирбаба от подписи протокола отказался“.

Через пять дней тот же оператор милиции делает постановление:

„Я, Смирнов, рассмотрев настоящий акт, нашел, что дальнейшего дознания не требуется, а потому акт направить в нарсуд 7 участка Юзовского округа на рассмотрение, для привлечения Кирбаба жену по усмотрению суда“.

Селидовский райпартком, какие меры вы приняли против держиморды?

Булавочная головка.

ОТ ВЕЛИКОГО ДО СМЕШНОГО.

ВЕЛИКОЕ.

Вл. Ильич Ленин был велик и прост.

Нельзя без душевного волнения читать воспоминаний кремлевского парикмахера о великом вожде революции.

Вл. Ильич приходил просто, ждал своей очереди и не выделял себя ничем из ряда будничных людей.

Когда ему предлагали бриться без очереди, он всегда отклонял это предложение и говорил просто:

— У всех есть дела, всем нужно время.

Равного ему не было и не будет.

СМЕШНОЕ.

В парикмахерскую г. Гайсина влетает комендант. За ним командир одной кавалерийской дивизии некто Кокорев.

— Парикмахер, сейчас же побрить командира! — приказывает комендант.

— Позвольте, — отвечает парикмахер, — у нас ждет публика... У нас очередь..

— Обождайте!.. Пожалуйста, товарищ комдив..

И комдив брется вне очереди под охраной коменданта.

Против „боевого“ приказа в бой не пойдешь.

Факт маленький, смешной, но и печальный.

Ком-Без.

НЕУСТОЙЧИВОЕ РАВНОВЕСИЕ.

Несмотря на голод и нищету населения, пострадавшего от землетрясения, японское правительство отпустило большие кредиты на постройку военного флота.

(Из газет.)

Рис. В. Козлинского.

Японский империалист (стоя на двух броненосцах): — На земле качает; попробую удержаться на воде!

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА.

Рота румынских пограничников перебежала по замерзшему льду на русскую сторону.

— Где же ваша рота? спрашивает начальство оставшегося на бобах командира.

— На разведку в сторону красных ушла.

— А... а... ну, что ж? Успешно?

— Да вот донесение прислали.

— Донесение? Молодцы. Что же пишут?

— А вот: „Остаемся у красных. Здесь лучше“.

Л. М.

НЕЧТО О РУССКОМ ЯЗЫКЕ.

Давайте писать простым, русским, понятным языком. И помня это правило, Таганрогский окр. исполком в протоколе № 5 пишет:

„Принимая во внимание поведение врача гр. Королевой, которое выразилось в ПОРНОГРАФИЧЕСКОМ содержании, вследствие чего была „интенденция со стороны врача Королевой подчинить всех ответственных работников... таким образом вела к дискредитированию работников... пользуясь квалификацией врача по детским болезням имеет стремление к власти, таким образом стараясь поднять в глазах своих поклонников авторитет могущественной женщины“.

Президиум ходатайствует перед Союзом Всемедиксантрод снять со звания врача Королеву, как лицо, которое ведет этот образ жизни“.

Хорошо пишут на юге, так хорошо, что даже слеза прошибает.

К В И Т Ы.

Предприниматели в Германии удлиннили рабочий день до 12 часов с платой за 10-часовой рабочий день.

Рис. А. Радакова.

(„Известия“).

РАБОЧИЙ:—Вы удлинняете рабочий день, это безобразие!

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ:—Чудак вы этакий,—так ведь за то я сокращаю плату,—вот мы и квиты.

О П Т А Н Т Ы.

Волисполком предписывает вам с получением объявить оптантам зарегистрироваться в уездном отделении управления.

Из приказов по сельсовету.

I.

— Иван Иванович, опять новая загугулина,—говорит секретарь сельсовета председателю.

— Что там еще?

— Тут вот вчера из волости бумажку привезли, да в ней слово мудреное; не знаю, как быть?

Секретарь читает предписание, многозначительно останавливаясь на слове „оптанты“. Председатель недоверчиво глядит на бумажку.

— Оптанты?.. Не слыхивал я.

— Я вчера вечером получил, всю ночь не спал: думал, думал, к какому делу приобщить,—оправдывался секретарь.

— Не решить нам этого вопроса вдвоем... Надо членов совета собрать.

II.

Когда члены собрались, председатель поставил на обсуждение слово „оптанты“. После продолжительного обсуждения пришли к ре-

шению посоветоваться с ответственным секретарем РКП.

Тот заявил, что не слыхал такого слова и нет его в „Азбуке коммунизма“.

Однако, после некоторого, раздумья он торжественно заявил:

— Я совершенно упустил из виду: оптанты—это буржуи. Я вспомнил картину: „Антанта под маской мира“.

— Но, помилуйте, ведь у нас буржуев-то нет,—дрожащим голосом возразил председатель.

— Ну и донесем, что нет,—вставил секретарь.

— Написать то можно все, да к чему клонит бумажка, вот в чем суть, возмутился председатель.

III.

Прошло начальство к достоуважаемому Титу Сидоровичу посоветоваться.

Тит Сидорович недолго размышлял:

— Нет... о кулаках здесь говорится. Таким словом называли в доброе старое время купцов, когда мы у них брали говар оптом. Зовут нашего брата покупать.

У Тита Сидоровича был в гостях бывший на военной службе.

Бывший военный заявил, что оптанты—это солдаты, которые служили на танках.

МОЩИ В ГОСБАНКЕ.

Служащие счетного отдела М. Конторы Госбанка сообщают нам, что у них завелись мощи.

Мощи эти не имеют раки. Мощи сидят за обыкновенным канцелярским столом.

Мощи — почти живые: руками, ногами двигают, губы подкрашивают, а волосы через посредство химии превращают в золотистую солому.

К этим мощам ежедневно прикладываетесь заведующий Коломенским отделением Банка. Придет, приложится к тонкой, хрупкой ручке, помолится, закатывая глазки, минут 10 и отходит, опять приложившись.

Госбанк, проведи на деле отделение церкви от государства. Если твоя сотрудница настоящие мощи, отправь ее в музей Наркомздрава. Если она притворяется мощами, то устрой ей насоящую раку.

Инок.

ПЛУГОВ ЖДУТ.

В Черепановском отделении Ново-Николаевского губсоюза стоят мужики, сидят мужики, лежат мужики — ждут, когда плуги придут..

— Пришли?..

— Нет еще... Идут...

— Пришли?

— Идут...

— Пришли...

— Что-то пришло...

— Раскрывай...

Раскрывали, расплюкывали, московского представителя губсоюза Ежова матюковывали: прислал вместо плугов 40 пудов варенья и коробочки консервов...

Вы думаете, что это первый случай.

Нет. Губсоюзу раз уже попало за то, что он для крестьянских кооперативов тросточки прислал.

Хочется губсоюзу отведать тросточки.

Инструк-р.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ.

Фотографируется на бульваре красноармеец. Стоит в бравой, воинственной позе. В сторонке,—его приятель улыбается:

— Больно, Митька, вид у тебя воинственный. Ты что, воевать собрался?

Вояка деловито отвечает:

— Потому, брат, и воинственный, что войны не желаю.

Л. М.

Все же советовал обратиться к дьякону Крестовоздвиженскому.

О. дьякон, выслушав сущность вопроса, пояснил:

— Теперь свобода вероисповеданий и вот всех неправославных зовут в уезд записаться. Мы раньше их называли сектантами, а теперь зовут их оптантами.

IV.

Неудовлетворенные ни чьими ответами, председатель и секретарь вспомнили, что есть в деревне ученик, который учился в городе. Послали десятского за ним.

— Оптанты—это оптимисты,—пояснил молодой философ,—это ныне так их зовут; раньше, например, назывались курсистами, а теперь курсантами, и это оптимист—оптанты.

Он долго размышлял над словами «танты», опиум, применяясь к оптантам.

Слово „оптанты“ осталось невыясненным до волостного с'езда.

На предписании волисполкома секретарь наложил дрожащими руками резолюцию.

„Приобщить к делу № 9“.

Затем достал из шкафа папку и положил в дело № 9 с надписью на корке:

„С подозрительными бумагами“.

СОВЕТСКИЙ ЛУБОК.

В 1923 году Госиздат издал несколько лубочных плакатов-картин в красках для народа. Дело очень полезное. Давно чем-нибудь пора заменить в рабочей квартирке и крестьянской избе портреты генералов, божественные картины страшного суда. Но Госиздат как-то странно выбирал темы для лубочных советских картин.

Вот № 1. „Охота на диких лошадей в Америке“. Безлошадных крестьян заставит помечтать о тех счастливых странах, где так просто добываются лошади. Выехал с арканом на охоту и готова лошадка. Совершенно бесплатно. На картине изображены бешено мчащиеся лошади и охотники: голые индейцы и одетые как-будто цивилизованные люди. Никаких объяснений на картине нет.

Плакат № 2.

Плакат № 2. „Русский на острове Гвинея“. На громадной картине изображено с подробными описаниями совсем недавнее событие. Как путешественник Миклуха-Маклай был среди дикарей в 70-х годах прошлого столетия. Картина, между прочим, изображает, как голубокожие негры склонились на колени перед русским и, как будто, целуют ему сапоги.

Плакат № 3. „Солнце всходит и заходит“. Изображена тюрьма—снаружи и внутри. Какой-то человек в кандалах. Часовые в погонах. Значит, тюрьма старая. Но за что сидит этот человек—не обозначено? Может, за фальшивую монету, а может и за революцию—как хочешь, так и понимай.

Плакат № 4. „Песня про купца Калашникова“. Не упомянуто, что песня написана Лермонтовым. Текст песни безграмотно и безобразно изуродован. Выходит так, что какой-то Кирибеевич ласкает и целует какую-то „девицу“, которая об этом и рассказывает:

— И ласкал он меня, целовал меня;
А смотрели в калитку соседки,
Смеючись на нас пальцем показывали.

И сразу, точно это продолжение ее же рассказа, говорится:

Взмахнулся тогда Кирибеевич
И ударил впервой купца Калашникова.

Выходит, что Калашников присутствовал при целовании девицы и, закончив поцелуй, Кирибеевич принялся бить Калашникова. А тот в состоянии обороны ответил тем же.

Плакат № 5. „Как по морю, вдоль по морю, морю синему“. Изображен деревенский хор и мужики в шляпах времен князя Игоря. Под картиной старинная песня, как плыл лебедь с лебедятами, со малыши со утятами.

Плакат № 6. „Плачущие дети“. На листке изображено десятка три детских лиц. Все плачут. Здоровые упитанные детки. Которые не нагишем, прилично одеты, с кружевцами, лентами и т. п.

Плакат № 7. „Смеющиеся дети“. В таком же количестве детские головки, но уже без слез, хотя и не видно, чтобы они смеялись. Детки хорошо причесаны, с проборчиками, принаряжены. Но, странное дело, костюмчики и все прочее напоминает рисунки из журналов за 70-е годы прошлого века.

И, наконец, № 8.—Плакат хотя и без заглавия, но уж явственно современный, как видно из подписи. Написано там следующее:

Девушки, голубушки, Лучше мы запишемся
Вы не мажьте рожи, В Союз Молодежи.

Произносит эти призывные слова некая героиня, изображенная так. Одной рукой она указывает на вывеску „Союз Молодежи“, другую руку держит сзади, на том месте, что находится пониже спины, детальнее описать не могу. Одеты она затейливо. В то время, как просвещаемые ею девки все босы, агитаторша щеголяет в высоких модных ботинках почти до колен и в короткой элегантной юбке.

В дверях Союза Молодежи стоит, подбоченившись, странная личность. Взглянув на нее, приходится вопросительно воскликнуть:

Ой, девка. Ой, парень...

Если девка, почему на ней юбки нет.

Если парень, почему у него явственно оттопыривается под блузой бюст и почему обтянутые в трико ноги именно таковы, как бывает на оперной сцене в Фаусте, когда Зибеля поет дебелая бабца с обтянутыми в трико ногами-окороками. Одним словом, агитация за Союз Молодежи довольно-таки странная.

Таким образом, из представленного мною обзора советского лубочного плаката, читатель видит, что Госиздат подошел к делу без предвзятости и партийной односторонности. Программа составлена широко и со вкусом.

Немного географии (доля мустангов).

Немного этнографии (жизнь дикарей на острове Н. Гвинея).

Немного истории—(купец Калашников).

Немного быта (хоровод).

Немного физиологии (плач и смех детей)

Немного агитпропа (девица в высоких ботинках с рукой пониже спины).

Конечно, враги Госиздата и люди вообще мнительные начнут толковать, что Госиздат просто взял старые сытинские литографские камни с деспотными рисунками и отдал в печать.

Я должен в этом случае заслонить своей грудью Госиздат от наветов и нападок.

Неужели не понимают эти люди, что Госиздат поступает с похвальной бережливостью. Вместо того, чтобы заказывать художникам новые плакаты, вместо того, чтобы тратить деньги на изображение рисунков на камне, Госиздат пускает в дело старые сытинские клише и тем сберегает средства. Я могу сказать, что сытинских клише Госиздату хватит лет на 20. Только после того потребуются новые советские рисунки. Это ли не хозрасчет, это ли не бережливость.

Когда же, наконец, станут у нас с должным пониманием оценивать прекрасные издания Госиздата.

Л. Сосновский.

Плакат № 8.

ГОРЬКАЯ ИСТОРИЯ О СЛАДКОМ САХАРЕ.

Частным торговцам поневоле приходится снижать цены, чтобы выдержать конкуренцию с кооперативами.

Глаз у торговца Трехина зорек,
Зазывает он в лавку: „Милости просим!“
В кооперативе сахар—40,
А у Трехина—38.

Пошли бороться опять:
Война так война!
В кооперативе сахар—35,
А у Трехина—тридцать одна!

В кооперативе сахар—27.
И Трехин, воскликнув: „черт возьми!“,
Лег—и глух, и нем—
У своей лавки костями...

„Человек, который потерял четверг, пятницу и среду“.

Этот человек,—я, студент рабфака.
Дело было так: В кладовой, откуда, обычно, брались продукты для столовой, питающей 600 человек, ничего, кроме крысиного помета, не осталось... Завтра варить нечего... Срочно рассылается десяток ребят стрелять по учреждениям. Так обычно добываются продукты...

Спешу в ХОЗО Наркомпроса. Заведующий, заслушав о бамбуковом положении студентов, расчувствовавшись, прослезился.

— Г-господи... Милаи-и... Да я для вас все...
— Ну, все—это довольно неопределенно, прервал я его практическим вопросом: — Сколько вы можете дать?..

— Милай... Да приходи завтра утречком, мешочек муки отпущу, крупки...

— Спасибо... спасибо. Так до завтра, — бросил я уходя радостный, что нашел человека, который хоть немногим, да поможет... Это было накануне начала моей драмы...

Глава I. СРЕДА...

— А-а-а... пришел?, — радостно встретил меня зав. тов. Богаченок.—Т-ак. Ты, друг, подожди-ка немножко здесь, а я тем временем сбегая по начальству своему, надо, брат, санкцию получить...

Что-то больно кольнуло меня в сердце... Э-э, да тут, видно ничего не выйдет...

— Позвольте, да тут дела-то всего на пять рублей... Зачем же начальство?...

— Ничего,—успокаивает.
Ладно. Жду... Приходит...

— Знаешь, дружище, ты бы от всех студентов прощение подал... слезницу,—понимаешь?...

— Пойдите, горячусь я.—Неужели из-за пяти рублей шестьсот человек должны подписать свои даты?

— Да, а иначе ничего не выйдет,—промолвил зав.,—но, увидев мою кислую физиономию, поспешил добавить.

— Впрочем, зайти завтра, как-нибудь устроим... До свиданья.

Глава II. ЧЕТВЕРГ.

Пришел... Ждал, ждал, подождал немножко и опять ждал. Нет зава, есть зам... Э-эх... Попытка не пытка...

Сидя у кипящего самовара,
Степана угощала Варвара:
—Кооператив научил меня новому порядку:
Можешь пить чай в накладку!

— Дайте справочку, нет ли распоряжения об отпуске мешка... Нет,—зайдите завтра.

Глава III. ПЯТНИЦА.

— Ну, что,—есть?..

— Нет,—отвечает уже окончательно охладевший „благодетель“.—Видишь-ли, если бы вы хорошенько описали ваше материальное положение в более жалостливом виде, тогда пожалуй, и получили бы...

— Позвольте... да разве вам неизвестно, как живут рабфаковцы...

— Известно-то известно... да все таки... Ушел... Э-эх вы... Благодетели...

Глава IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Больше не пойду... Тут уж ясно, что я потерял три дня, стоящие мне ДЕСЯТИ ЛЕКЦИЙ... 0,25 подметок, 2 часа приготовления отношений... несколько тысяч слов, сказанных мной по поводу мешка муки и т. п., и т. д.

В отместку за понесенные мной убытки я предлагаю наказать за такую волокиту означенных завов. Как самым страшным, жестоким наказанием я считаю прикрепление их для питания в нашу столовую, этак, на недельку...

А. Каиров.

СКРОМНЫЕ ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ.

КАЗАКИ В ПЕРСИИ.

РОСТА сообщает об избииении демонстрантов в Тегеране в следующих выражениях:

„К меджлису были вызваны отряды казакв, а также и полиции...“

Насчет полиции мы снимаем—в каждом порядочном государстве без этого учреждения не обойдешься.

Но вот откуда в Тегеране взялись казаки, знает только Роста.

ЛОШАДИНОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ.

Комиссия кирпичного завода № 2 Грознефти на Старых промыслах составила такой акт:

„Сего числа нами было осмотрено седло кавалерийского типа, принадлежащее заводу № 2, при чем оказалось, что означенное седло пришло в негодность и дальнейшая амортизация такового повлечет неприятное впечатление для лошадей“.

Что касается лошадей, не известно, но на „Крокодила“ этот акт производит неприятное впечатление. Пишите же вы по-русски!

ПШЕНИЧНЫЕ ЕДИНИЦЫ.

Приводим выписку из протокола областной налоговой комиссии Карачево-Черкесской автономной области:

„Ввиду того, что гр. Пупынина обложена с-х. налогом ошибочно, то... комиссия постановила снять с нее 1 п. 15 ф. пшеничных единиц“.

А что же налог-то? сняли или нет?

ПРО МЕНЯ, КРОКОДИЛА...

В Самарском кино-театре написано:

„Сказочная красота... Вы увидите африканских хищных и КРЫЛАТЫХ зверей, как-то крокодилов, львов, тигров, обезьян“. Протестую. Никогда не был крылатым...

НАСЧЕТ АЭРОПЛАНА „КРОКОДИЛ“.

Пусть будет стыдно всем, кто не потерял еще стыда.

За весь 1924 г. мною получено на постройку аэроплана „Крокодил“ от В. Кондрашова 50 коп. золотом.

На такую сумму далеко и высоко не полетить.

ПО ГОРОДАМ.

(Новейший справочник-путеводитель „Крокодила“).

Почему местная печать не замечает некоторых достопримечательностей в своих городах.

Очень просто — по законам физики, чтобы охватить предмет в целом, надо отойти от него на известное расстояние.

„КРОКОДИЛ“ будет давать справки о каждом городе из первых рук, без посредников.

Если что местным властям покажется невероятным, сообщайте нам — проведем и выведем.

Орел.

Как в Орле снижают цены?

Орловский губсоюз — учреждение, понимающее финансовую политику.

— Надо ли бороться за снижение цен? — спрашивали себя заправилы.

— Надо.

И решили:

„Ввиду того, что советская власть пускает в оборот устойчивую валюту, цены на товары Губсоюза не понижать“.

Живут в Орле орлы,

Ждут Крокодилий метлы.

Член коллегии Наркомфина тов. Альский, прав-ли наш корреспондент, сообщающий такие чудовищные данные, и что сделано, чтобы заправила губсоюз поняли сущность устойчивой валюты и действительно снизили цены?

Как в Орле продают книги?

— Если вы покупаете книгу за наличные, вы платите дешевле, чем при покупке в кредит?

— Чепуха, — отвечает нам Орел, — это так в других городах делается, а у нас совсем наоборот.

Купили орловские обыватели книги В. И. Ленина „Что делать“ и „Государство и революция“, купили в рассрочку и заплатили за все это по 1 р. 20 к.

Купили те же книги другие обыватели, но за наличные, и заплатили 1 руб. 75 коп.

Орловское издательство „Красная Книга“, для кого предназначалась твоя фига? Так то ты понимаешь интересы рабочих?

Куда в Орле идет зарплата служащих?

Для этой зарплате устроено специальное место и называется оно „Орловское казино“.

Каждый рабочий и совслужащий имеют право немедленно, не заходя после полочки домой, зайти в казино и продуться в пух и прах.

Интересно узнать, орловский губком ни разу не видал в казино, как играют некоторые партийцы в бильярд? Пусть сходят и посмотрят в преддверии предстоящей чистки.

Евгений.

Вологда.

Кто снимает пенки с „наценки“?

Дорогие товарищи крестьяне, вам нужны предметы широкого пользования? Вам нужны соль, керосин, сахар?

Вы стоите и раздумываете: куда вам пойти — направо — к частному торговцу, налево — в госкооператив.

Пойдешь направо, нарушишь политику, пойдешь налево — переплотишь 100%, 125%, 150%.

И стоят крестьяне, посреди дороги, на распутьи.

Личик открывается просто — между солью, керосином и сахаром стоят передаточные инстанции, госпосредники, госконторы, гостранзиты, госнакладные расходы...

Все бы ладно, да госнакладно.

Музы украшают союзы.

Профсоюз — опора сов. власти. И в этой „опоре“ застряло много разного хлама.

Вологда славится не только своим маслом, но и бывшими людьми.

Куда деваться бывшему дворянчику?

— Пожалуйте в профсоюз.

Куда спрятаться бывшему купцу?

— В профсоюзник.

А есть еще и царские „музы“ — бывшие прокуроры царских судов. Куда им бедным спрятаться от пролетарской диктатуры?

— Пожалуйте в профсоюз.

Вологда, почисть свои профсоюзы от царской музыки.

Уполномоченный.

У уполномоченного Наркомпути Вологодского района Сев. ж. д. Коврова имеется свой вагон.

Так вот этот самый уполномоченный катает в своем вагоне спекулянтку. Катал-катал да и докатался до того, что стал помо-

гать ей снабжать товарами подведомственные ему учреждения.

Теперь этот уполномоченный работает в качестве уполномоченного Сев. жел. дорог ст. Москва.

Хочет, видно, догнать свое производство до довоенной нормы.

НАПЛЫВ ПРЕДЛОЖЕНИЙ.

За последнее время во многих бюро ячеек РКП замечается небывалый наплыв предложений на партию среди беспартийных масс...

Но это чудо — в решетке...

Здесь ошибиться вряд ли можно, что закрепиться в РКП

Кой-кто приемом хочет ложным... То — „дезертиры“ РКП...

В бюро партчишкой их загнали: Работы требуют себе,

Чтоб за работой их... застал.

А там? Партчишка лишь пройдет, Вновь партия, как не бывало...

Но... Ц. К. К. пути найдег,

Чтоб этого и впрямь не стало!...

В. ПОДОСЕНОВ.

„ПОДОЗРИТЕЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ“.

Во многих кооперативах, как утверждают рабочие, к покупателям относятся, как к врагу.

ПРИКАЗЧИК:—Тебе чего? Спичек? А может быть тебе еще и керосинчику? Ребята! Зови миллионера!

Рост крысиного самосознания.

Крысы бегают и грызут пушнину в складах пермского представительства Уралгосторга. Это потому, что целый месяц ремонтировали склады пушнины, а успели отремонтировать... квартиры помзава Грамяна и завхоза Потапова.

Пермская «Звезда».

Народились...

НЕ ПИКНУТЬ.

Заседание было бурное. Речь одного из ораторов сразу дала выход. Он сказал примерно так: «Ежели наш поселок называется именем великого писателя земли русской, графа Льва Толстого, то мы желаем, чтобы наш сельский исполнительный комитет назывался кратко не СИК, потому как мы не село, а поселок... И желаем называться сокращенно ПИК».

Оратора наградили аплодисментами, а резолюцию послали в Данковский исполком:

«Сокращенно нас называть не СИК, а ПИК».

На это исполком сообщил:

«На основании § 14 Положения о сельсоветах от 26/1 22 г., исполком является не СИК и не ПИК, а председатель».

Почему обыватели и жаловались: — Этот Исполком ПИК-нуть не дает...

На что другие каламбурили.

Мир-нов.

Ошерстились...

СОБАЧИЙ ДОКТОР.

Нам сообщают с дальней стороны — из Дагестанской области из гор. Порт-Петровска.

Есть там врач Тер-Длианияц — врач серьезный.

Однажды утром приезжает к нему шофер авто-мастерской Дагестанского совнархоза Кругликов с женщиной — врачом Насыбовой.

— Доктор, моей жене надо делать операцию. Поедемте, пожалуйста, со мной... Женщина-врач просит ей помочь...

— Не поеду. Есть женщина-врач и довольно...

— Да нужен консилиум... Случай тяжелый.

— Не поеду...

— Да почему же?.. Я на автомобиле...

Ушел серьезный доктор. А его супруга и объясняет:

— Чего вы пристаёте. У нас такое горе, такое горе. У нас со-

Расплодились...

бачка померла и другая сейчас помирает. А собачки у нас дорожке детей. Доктор собачку от смерти спасает.

НОЖЕВЩИК.

В Бежецком (Брянской губернии) Церабкоопе было совещание представителей месткома с предприниманием о снижении разрядов некоторой части служащих.

Когда секретарь месткома заявил, что задним числом снижение разрядов допущено не будет, предправления Степан Морозов сказал:

— А-а! Вы не хотите смыкать ножницы? Хорошо. Я вас поучу, я добьюсь диктаторских полномочий... Я вам покажу ножницы...

Странное у Морозова понятие о ножницах. Не мешало бы маленько его обрезать.

Удесятились...

БЛАГОЧЕСТИВЫЕ ГРУЗЧИКИ.

Во городе Темрюке местком держит в твердой руке грузчиков-тяжелоносов. Решает местком множество вопросов. И никаких у него сомнений — принимает тысячу решений.

Словом — не местком, а тишь, гладь и божья благодать.

А все почему? Потому, что над столом месткома, как на стенах молитвенного дома, владычица земного закона — висит икона, да не одна, а целая пара — для пушного жара.

Смотри, кубано-черноморец, рядом божья мамаша и Николаша-чудотворец. А чтобы все было гладко, зажжена лампадка.

А насчет того, чтобы повесить портреты вождей, — погодим — на Николашу поглядим.

Грузчики наши — благочестивые, потому и счастливые.

Евдокимов.

В стаи сходились...

ПЛЯСКА ЗАВОВ И ЗАМЗАВОВ.

В Евпаторийском районном курортном управлении администрация семь раз в неделю бывает в разездах: то за деньгами, которых не привозят, то на съезды, которые тянутся, как клейстер, а то и без всяких причин, хоть у начальства всегда причины найдутся.

За завом уезжает замзав, на их место вступил управдел и стал зампомзавом. Сотрудники поют:

За всякие товары схватились...

В такой игривой пляске завов, Главпомов, помов, помзавов

Не разберемся никогда, А в деле только орунда.

Администрация раз'езжается, и просьбы сотрудников остаются без исполнения:

Без полных прав оставлен зам.

Вот подожди — придет сам, А сам и в ус себе не дует: Недели две в пути гарцует.

За январь, февраль не выплачена зарплата. А командировочные выдаются.

Уж очень ловко Обходится казне командирова.

И с каждой командировкой Щеголяют обновкой.

Рабкор Ус.

И так расхрабрились...

ВАРЮША ШТРАФНАЯ.

Во Владикавказе, по Заводской улице, приютилась некая Варя, которая торгует для рабочих самогонкой. Сколько раз обращали внимание на снисходительное отношение милиции к Варюше, ничего не выходит.

Наконец, начальник 2-го отделения милиции выступил с опровержением:

— Неправда, я не снисхожу к Варюше, а караю. Через два месяца раз я захожу к ней, составляю протокол и Варя получает штраф.

— А что Варя делает в промежутки между вашими приходами?

— Это меня не касается. Расчудесная Варюша, Обходителен закон...

Жен рабочих ты не слушай, А вари свой самогон.

Новая Оса.

Рис. К. Ротова.

Что из склада-бакален Начальство в три шен Выгнали по приказу И сразу.

КАК УНИЧТОЖИТЬ ТАБАЧНЫЕ ИЗДЕЛИЯ.

Правление Читинского гор. кооператива постановило о передаче табачных зарубежных изделий подшефной части.

И вдруг...

«Акт. Тогда-то, там-то... мы, нижеподписавшиеся, инспектор косналогов Крепиковский, пом. инспектора Ляшкевичи Мамонтов, зав. складом Комогорцев, представитель месткома Потапенко, уничтожили посредством сожжения в печи следующее количество табачных изделий заграничного производства... итого 27.210 штук... Качество уничтоженных изделий определено... Все табачки обандеролены...»

Ей-богу, честное слово, лопни мои глаза, табачные изделия уничтожены посредством сожжения.

ПО БЛИЗОРУКОСТИ.

— Здравствуйте, т. доктор.

— А-а, т. Перчиков, — воскликнул радостно доктор фабрики «Пламя Революции» в Новобелице. — Выздоровели.

— Выздоровел. Спасибо вам. Подняли меня на ноги. Теперь бы мне больничный листок получить...

— Получайте... получайте...

— Благодарю вас...

И, с больничным листком, пошел Перчиков по инстанциям.

Замазав листок пропустил... Зав листок пропустил... Все пропустили...

А как принес Перчиков свой листок к конторщице, да показал ей, так та и повалилась под стол от смеха...

— Это вы болели?.. Ха-ха-ха... Не могу... ха-ха... зарегистрировать... ха-ха ха...

— Почему? Сам Берман меня лечил...

— Не могу... не могу...

Зав распекал доктора:

— Чорт знает, что такое. Что вы написали? Читайте...

«Удостоверение... в том, что рабочий тов. Перчиков... страдал... у него был период менструаций». Батюшки, как же я это Перчикова в женщину превратил?... По близорукости... честное слово...

Больной.

САХАРНЫЕ КУХАРКИ.

В Курске на сахарном заводе «Коммунар» положение кухарок самое тяжелое — работают 18 часов в сутки, а получают три рубля в месяц, не зная ни праздников, ни отдыха. За посещение женских собраний их увольняют.

Сахар Сахарыч, канальство,

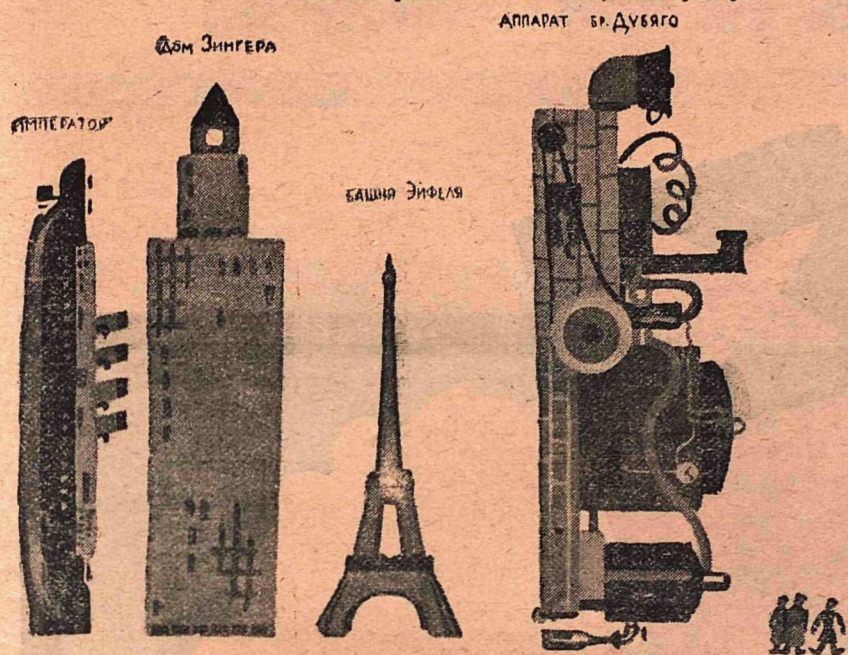
Неужели сам завком У заводского начальства Крепко спрятан под замком?

Красный котелок

СТРАНИЦА ЧИТАТЕЛЯ.

ДИАГРАММА „КРОКОДИЛА“.

На хуторе Забежицы, в лесу, обнаружен громаднейший самогонный аппарат с емкостью затора в 120 ведер. Владельцы аппарата—бр. Дубяго.

На нашем рисунке изображены высота и размеры величайших зданий и орудий в свете: пароход „Император“, небоскреб Зингера в Нью-Йорке, башня Эйфеля и аппарат бр. Дубяго. Как видит читатель, аппарат бр. Дубяго превосходит своим размером все переисленные „рекорды“ высоты.

придает нам еще силы. Ибо мы думаем, что московские братья помогут нам и советом и приветом (в порядке шефства и отеческой трепки).

Второе—и сами кое-как усилимся. Мы уже заняты тем, чтобы подыскать еще людей, чтобы хоть одного специально на „Крокодиленку, посадить.

А затем — весь Туркфронт. Ведь, только что появился „братишка“ на фронтовой Партконференции, как собралась груда приветствий и пожеланий (среди них—побережью в первое время от вил „старшего брата“. А через несколько часов после рассылки газеты по частям, в редакцию от крцев принесли под ряд несколько приветствий и наказов)

Вот с чем мы вступаем в свет.

В дальнейших номерах „Крокодиленок“ будет использовать исключительно кр-ский материал, которого у нас, кстати, уже порядочно для „братишки“ накопилось.

В общем...

Торжественно обещаем не ронять твоего имени, а наоборот, всячески популяризовать его, дорогой „Крокодил“.

Дядя Митя.

Привет тебе, братишка Крокодила! Уж буду я трепать тебя так, как и всякого другого. Помни мои заветы:

Борись со всем, что нелепо. Не погрязай в лапках у НЭП'а, Рабкоров прихочивай, А „Братишку“ орабочивай.

Крокодил.

„Братишка Крокодил“.

Под таким заголовком вышел новый отдел в Туркестанской газете „Красная Звезда“.

Редакция пишет нам:

„Собираясь выпускать этот отдел и приступив теперь к делу, мы вполне ясно понимаем, какую на себя ответственность берем.

Тов. Саркис—главразведчик.

Мы знаем, что „братишка“ из кожи должен лезть, а уже не компромет повать славного московского „Крокодила“.

Мы знаем, что за нами будет зорко присматривать московский „Крокодилья братия“ и за малейший наш проступок она не постесняется пырнуть „вилами в бок“.

Дед Хлебоед—секретарь.

И все-таки мы взяли за это ответственное дело.

Как возникла мысль о „Крокодиленке“ и на что мы, собственно, надеемся?

Нам надо было уже давно оживить газету.

А тут как-раз наплыв всякого обличительного материала со всех закоулков Турк. и Бух. республик.

А тут как-раз годовщина „Рабочей Газеты“ с ее „Крокодилом“.

Вот и додумались мы до „Братишки Крокодила“ в военной форме.

Первый номер не совсем удален. Но...

Т. Чебыркин—заштатный богомаз.

Во-первых — спешка: выпустить к последнему заседанию фронтовой партконференции.

Во-вторых, конференция, на которой пришлось торчать целыми днями и из-за которой не пришлось следить за наборщиками, за версткой, корректурой.

На что же надеемся?

Главное, на то, что наше сближение с лучшей в СССР „Рабочей Газетой“ и „Крокодилом“

Кушнелай—главмуза.

Тарас Карпенко — начштаба и правая нога.

ПРОВОДА *).

Что за шум, что за крик

В пономарке!

Спор у причта возник

Очень жаркий!

Поп, диакон и бяк —

В исступленьи:

Не поделят никак

Приношении!

Нанесли в день провод

Прихожане

Восемь с лишним подвод

Подаяний!

Без числа — калачей,

Горы — сала!

И яиц, куличей —

Тож немало!

Кренделей и конфект —

Три дыбарки!

И чего только нет

В пономарке!

Поп кричит: „Я — глава!

Мне — три доли!“

Дьяк в ответ: „— Чорта с два!

Глуп я, что ли?

Так забудь, брат, теперь

Ты, что было!“

Налетел поп, как зверь:

Ррраз! по рылу!

Изловчился дьячок:

По едамам!

А диакон мешок

Тащит с салом!

„Ты куда!“ — кричит поп

В исступленьи,

И диакона — хлоп

По виденью!

Полетел, как шальной,

От удара

Прямо в мед головой

Дьякон старый!

Обозлился и дьяк

Тут на диво

И вцепился, как рак,

Батьке в гриву!

Ну, и шум! Ну, и крик

В пономарке...

Спор у причта возник

Очень жаркий.

АВГУР.

*) Провода—радонца, повелевание на фониной неделе, когда поминуют покойников.

Редактор—Н. И. Смирнов.
Издательство „Рабочей Газеты“.

Тираж экз. 150000.

К Р О К О Д И Л

МАЙСКИЙ ЖУК.

Рис. К. Ротова.

Шум веселый подымая,
Красный жук над миром взмыл
И, умаявшись от мая,
Под зонтом буржуй застыл.

Он испуган не напрасно:
На лоб вылезли глаза —
Будет дождь веселый, красный,
Грянет майская гроза!..